

Алла Кречмер

Мой сад осенний

Алла Кречмер

Мой сад осенний

«Издательские решения»

Кречмер А.

Мой сад осенний / А. Кречмер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987432-0

Прелестные, женственные, вдохновенные и наполненные искренними чувствами стихотворения Аллы Кречмер ждут своих индивидуальных читателей и поклонников. За кажущейся авторской лёгкостью при создании запоминающихся поэтических образов стоит глубочайшая и трудоёмкая душевная работа. И Алла успешно справляется с такой работой, предоставляя понимающей аудитории возможности для яркого восприятия и высокого сопереживания.

ISBN 978-5-44-987432-0

© Кречмер А.
© Издательские решения

Содержание

Мой сад осенний...	6
Сумерки	7
О Париже	8
Яблочный Спас	9
Косарь	10
Закатное	11
Отблеск луны на стене	12
Приходит август	13
Ленинградцев бывших не бывает	14
Открытка	15
Забытые поэты	16
Походка голубей	17
Кони в степи	18
Забытые слова и лица	19
Фотографии в сельском доме	20
Макушка лета	21
Элегическое	22
Дождь ночной	23
Делоникс	24
Художнику	25
Мне кажется...	26
Несказанные слова любви	27
Ожидания	28
О стихотворении	29
Обнимая острые колени	30
Май в СПб	31
О Бродском	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мой сад осенний

Алла Кречмер

© Алла Кречмер, 2020

ISBN 978-5-4498-7432-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой сад осенний...

Мой сад осенний, словно храм;
Весь в золоте, в багряных ризах.
По пламенеющим листьям
Умелой кистью он расписан.

Рябины щедрые дары —
Для перелетных птиц застолье,
И золотой листвы ковры
Застелит осень на приволье.

Как ярко пламенеет гроздь —
Свечей собрание поминальных.
Ты в этом храме только гость —
В приюте осени печальной.

Твоим страстям здесь места нет
Среди покоя увяданья.
Пройдет еще немало лет,
Пока возникнет понимание

И радости, и красоты.
Увидишь светлую отраду —
В осеннем небе свет звезды,
Как негасимую лампаду.

Сумерки

Блаженно сумерек смятенье:
Не день, не ночь, а лишь сплетенье,
Где свет и тьма во всем равны.
Где солнце гаснет постепенно,
И выползает тьма из плена,
Ее касания нежны.

И, кажется, остановилось
То, что вертелось и крутилось;
И словно из небесных сот
Там сладостью стекают зори
И остывают в темном море;
Секунды капают, как мед.

И безмятежны, и тягучи
Средь нежности цветов пахучих,
Как будто будет так всегда —
И этот неба край бездонный,
Неясность, недоговоренность
И полусонная вода.

Размытость контуров неясных,
И бабочек последний праздник
Перед уходом в темноту.
И снова – жизнь и умиранье,
И потрясенное молчанье,
И страх – перешагнуть черту.

Да, сумерки сгорают скоро.
Останется мне укором
Последний отблеск на волне.
И долго будет неразгадан
Свет сумерек – сердец отрада
Далекой памятью во мне.

О Париже

Опять экрана плоскость
И старое кино...
Я пью Парижа воздух,
Как светлое вино.

Я медленно вдыхаю
Жасмина аромат;
И в облаках витаю,
Как много лет назад.

Счастливей и моложе
Была моя душа.
Среди других прохожих
Я твой искала шаг.

Свидание в Париже —
Сбылись мои мечты!
Твой голос ближе, ближе,
И вот явился ты.

Объятья, поцелуи
На улице при всех.
Фонтан рассыпал струи,
И мой искрился смех.

Мы смотрим вниз, с Монмартра;
А там – собрание крыш.
И не нужна нам карта —
У наших ног Париж!

Прогулки наши были
Предчувствием разлук.
Как долго мы бродили,
Не разнимая рук!

Обрушился, как ливень,
Прощанья горький час.
Знаменьем дней счастливых
Париж остался в нас.

На старой киноплёнке,
На фото – вот альбом.
А память – мостик тонкий,
Мы по нему идем.

Яблочный Спас

Висят на ветках, наливаясь,
Созвездья яблок. Словно в космос
Порою вниз летят, срываясь,
Купаются в прохладных росах.

Скатившись по дорожкам сада,
Они лежат в траве, в молчанье,
Дополнив ночи звездопада
Беззвучным мирозерцаньем.

А завтра Спас – Преображенье
Господне. Не случайно радость
Несет души благословенье
На яблочек созревших сладость.

И кажется, сама природа
Готовит сердце к переменам.
И вновь предчувствия ухода
Накапливаются постепенно.

Вот желтый лист в зеленой кроне,
Трава, поблекшая от зноя;
Короче дни, вода студенней,
Дожди длинней и беспокойней.

Сменяет осень краски лета:
Кармин и золото в декоре.
Лесистый холм в потоках света
Нам вдруг покажется Фавором.

Косарь

Косарь косил траву, когда всходил рассвет;
Еще роса в лугах не высохла ночная,
И падала трава, пока еще живая,
На колкую стерню – косы летящий след.

И резок был удар – тот, что лишил корней.
На лезвие косы опять трава налипла.
Ах, если бы она могла читать молитву,
Но мир облечь в слова Всевышний не дал ей.

В руках у косаря орудие одно,
А значит, для травы давно известен жребий.
О милости просить? Что может быть нелепей?
Зеленой крови вкус напомним нам вино.

А где-то есть косарь совсем в других полях:
Он косит не траву, а жизни человечьи.
И тишина небес – обманчивая вечность:
Неслышный зов их душ растает в облаках.

Закатное

Закат как будто вскрикнул: разлилась
Заря, окрасив в огненно-бордовый.
И наступившей темной ночи страсть
Принять в свои объятия готова

Бескрайность моря, и тоску души,
И ширь небес, и путаницу мыслей.
Все то, что ты когда-то совершил,
И без чего своей не видишь жизни.

И отсветы закатного огня,
Что тонут в море, в темно-синей бездне,
Отметят в сердце завершение дня
И знак, что после ночи день воскреснет.

Не будет сожалений о былом,
Лишь тишина и легкое смятенье.
И я ловлю на берегу морском
По темным водам алое скольжение.

Отблеск луны на стене

Отблеск луны на стене,
Матовый свет фонарей...
Думал ли ты обо мне
В глуби бессонных ночей?

Где я сегодня, и с кем?
В сердце не гаснет свеча —
Вянет букет хризантем,
Воспоминанья горчат.

Кто же нам может помочь
Справиться с этой тоской?
Утро врывается в ночь
Ярко горящей зарей.

Смотрим вдогонку годам,
Что коротали одни.
Ждет нас тоска по ночам
И безысходные дни.

Приходит август

Приходит август, щедр, богат;
Душе несет преображение,
Когда подарит старый сад
Плодов обилье в утешенье.

Пусть примирит их сладкий вкус
С тем, что в окно стучится осень.
И я в грядущем не боюсь
Увидеть заморозков проседь.

Вот кисти красные рябин —
В морозы их сильнее сладость;
Среди завьюженных долин
Для птиц – нечаянная радость.

А нынче август. Далеко
В лесу шаги разносит эхо;
Тишь над остывшею рекой,
Так много яблок и орехов.

И мед прозрачный, как янтарь —
Он золотом зари наполнен;
И зноем, что дарили полдни,
Где улей – щедрости алтарь.

Ленинградцев бывших не бывает

Ленинградцев бывших не бывает;
Неизменно питерство, как кровь.
Нет, оно внутри не умирает
Средь чужих далеких городов.

Летней ночью, бархатной и томной,
Думая о прошлом, не засну.
Свет небес далеких я припомню,
Сумерек июньских белизну.

Каждое ушедшее мгновенье
Сохраню я а памяти своей —
Запахи жасмина и сирени
В парке средь запутанных аллей.

Долгое по улицам гулянье,
Под ногами – шорохи листвы;
Сфинксов отстраненное молчанье,
Взгляды их в пустую ширь Невы.

Всё на свете ночь перемешала,
Но волнуют в дальней стороне
Улицы, мосты, дворцы, каналы —
Город, не исчезнувший во мне.

Не продам другим я первородство —
Питера незримое клеймо.
Я несу вдали свое сиротство,
Затерявшись средь чужих домов.

Кажется, я осужден навечно
Разделяться между здесь и там...
А душа стремится в бесконечность,
К незабытым невским берегам.

Открытка

Средь вороха бумаг открытка мне попалась —
Подписана давно, но вот какая жалость:
Забыла я ее отправить адресату.
Остался тот привет – ненужный и измятый.

А дед мой был бы рад и хвастался бы тоже:
Открытка – пустяки, внимание дороже.
Пусть внучка далеко, и дед по ней скучает,
Но пару строк черкнуть она не забывает.

Упала вдруг слеза – наверное, от ветра.
Вдруг опустел навек дом бабушки и деда.
И рву я свой привет, забытый и ненужный,
И падают, кружась, его обрывки в лужи.

Забывтые поэты

Мелькнули искорками света
Во тьме исчезнувших веков
Давно забытые поэты,
Служители и рифм, и слов.

Они писали не для славы,
Не для потомков – для души.
Стихи, как средство переправы,
В небес вторгались рубежи.

Вели ночами одиночки
С листом бумаги разговор.
У каждого найдется строчка,
Что светит, словно метеор;

Что спящие сердца разбудит,
Коснувшись онемевших струн;
Как будто бросил взгляд ведун
На тайное сплетенье судеб.

Походка голубей

Походка голубей шуршащая
И воркованье по утрам...
Жизнь за окошком настоящая,
А у меня телеэкран.

Нет птичьих пар верней и ласковой —
У нас же сложности всегда.
Порою чувства все под маскою
Храним мы долгие года.

И снова разочарованием
Себе мы сердце бередим.
А за окошком зори ранние,
Черемух белых сладкий дым.

Даль неба, золотом залитая,
Цветение весенних дней.
И я хочу в окно открытое
Лететь со стаяй голубей.

Покинуть дебри виртуальные;
Над подоконником твоим
Кружить, забыв слова печальные,
И вспомнить, что ты мной любим.

Кони в степи

Сухая степь: пологие курганы
Скрываются средь пыльной пелены.
Из плотного белесого тумана,
Выныривая, скачут табуны.

Проснулось солнце – запылали гривы,
Горят рассветным золотым огнем.
Стучат подковы четко и красиво;
Стучат, как дождь иль отдаленный гром.

Попутный ветер их ласкал и холил;
Не поспевал в движенье всякий гнус.
Кто отпустил их погулять на волю,
Почувствовать свободы терпкий вкус?

Закончится когда-нибудь блужданье
В степи среди волнистых ковылей.
И снова стойло, снова обузданье,
И редкий сон о широте степей

Забывтые слова и лица

Забывтые слова и лица —
Воспоминая, словно птицы,
Летят средь туч слоистых в просинь
И светлую печаль приносят.

И акварелью ностальгия
Мне нарисует дни другие —
Наш парк в багровом и шафранном
И в заморозки лед стеклянный.

Восходим мы на мостик шаткий,
И по боку портфели, шапки,
Лишь губ внезапное касанье
Да листьев тихое шуршанье.

А время мчится электричкой,
Ломая жизни ход привычный.
Придем – а в волосах уж проседь,
И снова осень, снова осень.

Но где же он, тот мостик в юность,
Где мы однажды разминулись?
Мы в поисках бредем напрасно
Дорогой дней однообразных.

Фотографии в сельском доме

Фотографии в сельском доме
В старых рамочках на стене.
Летний зной. В полуденной дреме
Облетел цветок на окне.

В нашей горнице тишь, прохлада,
На столе стеклянный кувшин.
Залетела пчела из сада —
Ни гудков, ни шуршанья шин.

Сладко пахнет липовым цветом,
Вся семья сидит за столом.
Помню детства последнее лето —
Все потери придут потом.

Макушка лета

Вся земля ярким солнцем согрета,
Наполняется колос зерном.
До макушки горячего лета
Я июльским дотронулась днем.

Хорошо в жаркий полдень в купальне
Плывать, глядя в небесную ширь,
И бродить за околицей дальней,
Где зарос иван-чаем пустырь.

А из леса кукует кукушка,
И журчат ледяные ключи.
Ах, как лета пылает макушка!
И ладони его горячи.

Элегическое

Что остается? Только в вазе пепел —
Покой желанный, никаких страстей.
Итог всей жизни – грустный и нелепый,
Итог счастливых и несчастных дней.

И ни к чему грустить – все преходяще,
Ошибок сброшен груз, и ясно мне:
Вернусь однажды облаком летящим
Иль щебетаньем птичьим в вышине.

Я появлюсь травинкою проросшей,
В воспоминаньях – всполохом огня.
И может быть, покажется вам позже,
Как не хватает вам теперь меня.

Дождь ночной

Послушай, дождь ночной, случайный собеседник,
В бессонные часы сроднились мы с тобой.
Ты вновь пришел ко мне, как тайный исповедник,
Беседовать с моей мятущейся душой.

В пустынной тишине шептал ты осторожно,
И в шорохе листвы я слышала слова
О том, что не умрет надежда, и, возможно,
Любовь во мне жива, и память чувств жива.

И музыка дождя, сойдясь с моей судьбою,
Нарушит тишину гитарною струной.
Любимые черты – я лишь глаза закрою —
Как в юности, опять встают передо мной.

Ты барабанишь, дождь, в окно стучишься нервно.
Не надо, прекрати – разбудишь целый дом.
Что это? Стук сердец, невозмутимо мерный?
А может быть, стучит железный метроном...

Делоникс

За красными искрами ветер в погоне,
Он хочет раздуть их в костер поднебесный.
Опять зацветает повсюду делоникс,
И новых страстей открывается бездна.

Пусть красного цвета прольется так много —
Художникам эта палитра готова,
Там каждый мазок отзовется тревогой
И напоминаньем о крови Христовой.

Он царственный пурпур набросит на крону,
Как мантию — знак королевских отличий;
Достоинством царским стоит вознесенный
Делоникс среди разных деревьев обычных.

Зеленое слева, зеленое справа —
Застынет весь парк в изумленном поклоне.
Земной красоте — восхищенье и слава,
О райских садах нам напомнит делоникс.

Но время идет — лепестки опадают;
Их огненный смерч пронесется кометой.
Как Феникса хвост, красота отпыляет,
И вновь возродится среди южного лета.

Художнику

Художник возле «Каткиного» сада,
Ты смотришь на меня, как на модель.
Ну что ж, рисуй, я буду только рада,
Когда свою закончишь акварель.

Ты говоришь: в улыбке обаянье
И в отрешенном взгляде в никуда.
Закрась штрихом следы морщины ранней —
Хоть на портрете буду молода.

Придай лицу наивную беспечность
Без отпечатков, сделанных судьбой.
Отбрось моих сомнений бесконечность,
А нарисуй и счастье, и покой.

Как будто мне подарки дорогие
Дарила жизнь, и от ее щедрот
Я растеряла годы молодые,
Их разбазарив на сто лет вперед.

Ты нарисуй, что я купаюсь в счастье:
Поярче краски, посильней мазок.
Пусть пожалеет об ушедшей страсти
Тот, кто когда-то мною пренебрег.

Мне кажется...

Мне кажется, идет навстречу Гумилев —
Знаком его прищур, он смотрит вдаль куда-то;
Исчезнет вдруг в тени средь питерских дворов
В багровой глубине холодного заката.

Куда он так спешит? Наверное, в Кронштадт;
Там сядет на корабль, и вот за океаном
Заплещется волной озерной синий Чад,
И ляжет возле ног знакомая саванна.

И будет удивлять жираф своей красой —
Пугливый великан, он кротко смотрит в небо.
Найдет ли там поэт далекий рай земной —
Сосредоточье рифм и жизни од хвалебных?

Охватит вдруг тоска по брошенным краям:
Не к питерской красе – вернется к смерти верной.
Последний рифмы блеск, бег строчек по листам —
Так убежали в степь испуганные серны.

Несказанные слова любви

Мой милый, мы с тобою разные,
И жизнь у каждого своя.
Так много слов любви несказанных
Внутри похоронила я.

Они, как раны отболевшие,
В душе усталой не видны.
Как звезды, ранее сгоревшие,
Исчезнут в мире тишины.

Ожидания

Ожидания были напрасны —
Не пришел ты, закат догорал,
И чертою отмечен был красной
Наступающей ночи провал.

Караулю у двери и слышу:
Лифт свое отстучал и затих.
Слышу – капает дождик по крыше,
Слышу звук разговоров чужих.

И опять ухожу я в молчанье,
В ставший вдруг мне ненужным уют.
Целый вечер прошел в созерцанье
И подсчете летящих минут.

Нет тебя, это все поправимо:
Будут встречи, и жизнь потечет.
Только ночь, пробежавшую мимо,
Мне никто никогда не вернет.

О стихотворении

Не тронь, не режь, не препарируй
Собрание бегущих строк,
Рожденное звучащей лирой,
Судьбы заученный урок.

Вульгарность нашей жизни грубой
Преобразится в царство рифм.
И повторять их станут губы,
Души движенья приоткрыв.

Поэт, в отчаянье мятежном
Среди проклятий и мольбы,
Услышишь голос лиры нежный
И звук шагов твоей судьбы.

Пусть тайное воображенье
Откроет смысл знакомых слов,
И явится стихотворенье
Сложением полутонов,

Где черный с белым сочетаясь,
Противоречие храня,
Озвучит нам блаженство таинств
И жар сердечного огня.

И где-то в небесах закатных,
Почудится меж облаков
Страна, забытая когда-то
В глуби затерянных миров —

Сады, в которых мы бродили,
В горах лиловых города.
Мы встретим тех, кого любили,
Но потеряли навсегда.

Моря жемчужные, с отливом,
Блаженство гаснувшей зари,
И луч последний, миг счастливый,
Что нам откроет мир внутри.

Обнимаю острые колени

Обнимаю острые колени,
Ты сидишь на лестничном окне.
Никого вокруг, лишь на ступенях
Рюкзачок твой брошен в стороне.

Ты в бейсболке, в маечке прикольной,
Джинсы и кроссовки – зашибись!
– Ждешь кого-то? – спросят недовольно
Тетки, пробегая вверх и вниз.

Никого не ждешь, а просто вечер
Обещал счастливым стать сперва.
И зажглись в душе надежды свечи,
И слегка кружится голова

От предчувствий радостных. Но хлынул
Сильный ливень лживых слов пустых.
Как ненужный фантик, он откинул
То, что было счастьем для двоих.

То, что было счастьем, стало ложью;
Чистое упало прямо в грязь.
И домой вернуться ты не можешь,
Любопытства праздного страшась.

Как расскажешь о разбитой вере?
О любви, которой пренебрег?
Приняла спокойно, без истерик
Ты уход его. Но знает Бог,

Как же стало пусто, безотрадно
Средь мельканья прошлого теней!
И сидишь одна в чужой парадной
На немытом лестничном окне.

Май в СПб

Вновь дождевые нити —
Рухнули с неба воды.
В Питер вернулся Питер
С резкой сырой погодой.

После жары, как будто
Где-нибудь на Гавайях,
Что-то он там напутал,
Лето принес нам в мае.

Всюду цвели тюльпаны
Так непривычно ярко.
Вспомнились сразу страны,
Где постоянно жарко.

Знойная даль. Дрожанье
Солнцем согретых улиц,
Контуров размыванье,
Но холода вернулись.

Зелень чуть зеленее:
Дождик – ты мой приятель,
В холод меня согреет
Тяжесть чужих объятий.

Город мой снова молод;
Капли с лица смахните.
Серость, дожди и холод —
В Питер вернулся Питер.

О Бродском

Ленинградские реки, канавки, каналы;
Ликование солнца – полуденный зной.
Средь дрожащего марева вдруг показалось —
Он не здесь, а в Венеции поздней весной.

И мосты, и строения чем-то похожи.
Старый катер гондолой скользит по волне.
Здесь когда-то бродили суровые дожи,
И мелькал лик красавицы в темном окне.

Он качал головой, отряхая иллюзий
Ослепительный плен. И, вернувшись назад,
Лишь рукой помахал растерявшейся музе:
Как же крепко его приковал Ленинград!

Что случилось потом, в благородном изгнание,
Когда надвое жизнь разделил океан?
Были новые строки, и радость признанья,
Потаенная боль затянувшихся ран.

И тогда среди венецианских каналов
Показался внезапно знакомым тот вид:
Как гонимая ветром волна набегала,
Ударяясь всей мощью о невский гранит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.